

ПО СТРОГОМУ СЧЕТУ

Трудового Красного Знамени Вячеслав Васильевич узнал в Москве, на экзаменационной сессии.

Что же его, Щербакова, коммуниста и руководителя, выделяет среди других? В чем секрет? В повышенном чувстве ответственности, в неуспокоенности, в постоянном поиске, самосовершенствовании, в умении работать с людьми, в знании производства?

— Плавильный участок знаю, — говорит он, — но остальные... Хозяйство-то большое и сложное. Первое время, когда назначили замом, как привязанный ходил за начальником цеха. Мучил его вопросами. До тонкостей хотелось как можно быстрее выикнуть во все, что может пригодиться в работе.

А в работе необходимо многое, все трудно и перечислить. Но о главном, пожалуй, лучше всего сказал В. В. Щербаков сам на последнем собрании, где речь шла об авангардной роли членов партии.

— Мы, коммунисты, — говорил он, — за все в ответе, и потому самый строгий счет должны прежде всего предъявлять к самим себе. При этом надо все оценивать судом своей совести, не давать себе ни в чем поблажки...

Коммунист Щербаков вправе предъявлять такие требования. К себе, ко всему, что касается его, он предъявляет счет самый строгий.

В. ДЕНИСОВ,
наш корр.

На снимке: В. В. Щербаков.

БЫЛО около трех часов дня. Смена подходила к середине. Через несколько минут в металлургическом должно начаться партийное собрание.

— Сернистый? На концентрацию газа не обижаетесь?...

— Доложите о качестве сырья! — Это уже звонок на шихтарный участок своего цеха.

— Плавильный? Какой выход штейна на печах сократительной плавки?...

— Конверторный? Каков выход меди?...

И дальше: отгрузка, ремонтный участок... Ответы, должно быть, Вячеслава Васильевича вполне удовлетворили и, как бы продолжая прерванный разговор, он заметил: «Многие коммунисты пришли в красный уголок в спецовках, от своих рабочих мест — плавильных печей, конверторов. Им еще возвращаться, а оставшимся придется поработать в ослабленном составе. Поэтому, хотя только что обошел все участки, хочется еще раз уточнить обстановку, убедиться, что все идет нормально. Собрание обещает быть бурным, может затянуться. Впрочем, «сереных» у нас и не бывает — народ-то наш боевой, от огня. Одним словом — металлурги. Но это собрание особое — ведь речь пойдет об авангардной роли коммунистов цеха на производстве в свете требований XXVI съезда партии. О нашей ответственности»...

Другой, возможно, мог и сказать просто: «Об ответственности», а он — «нашей...» Точно так же около десяти лет назад на городской, а затем областной отчетно-выборных комсомольских конференциях, заметив, что многие делегаты бросают на него восхищенные взгляды — такой молодой, едва ли за двадцать перевалило, а уже две правительственные награды — медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и «За трудовое отличие» — он смущался и, как бы оправдываясь, начинал рассказывать о цехе, о товарищах. «Вот наши Михайлов, Белкин, Суходоев, Гаврилов, Стенанищев, — говорил он, — это настоящие металлурги». Себя он металлургом еще не считал, а только мечтал стать им, дораста до своих учителей. А награды — их надо оправдать. И старался для этого. Учился в ШРМ, в техникуме. Учился работать.

Сейчас В. В. Щербаков с улыбкой вспоминает, как попал в металлургический. Начинать в энергетике учеником, затем электрослесарем по ремонту промышленного оборудования. Часто прибежал в металлургический посмотреть, как работают знакомые парни, которые были старше его. В сукожных робах и шляпах,

они, казалось, священно действовали у своих печей и на конверторах и от этого становились какими-то недоступными. Рвался и он сюда, но... возраст. Молод, считали. Да и на вид — навряд ли выйдет в богатыри. Взяли «по знакомству» — ребята ходили к начальству просить, поручились.

Здесь, на плавильном участке, креп, закалялся характер молодого металлурга. А как нелегки они были — первые смены, первые недели работы на разделке горячих отстойников! Работа по скользящему графику, выходные дни редко выпадают на субботу и воскресенье. Едешь, бывало, на работу, а в парке танцы, призывно гремит эстрадный. В самом начале мелькнула мысль: а не подыскать ли что-нибудь полегче, не уйти ли из цеха? Но тут же ее отогнал: от совести не уйдешь, да и ребятам стыдно будет смотреть в глаза.

А работа между тем захватила, увлекла. Главное, все интересно, хочется попробовать самому. Сделает свое, и то к горновым с распросами, то к мастеру, а то и помощь свою предложит на загрузке. Заметили или чутье подсказало: будет толк из парня. Перевели горновым, затем старшим на загрузку, старшим горновым.

До мельчайших подробностей он помнит то собрание, когда коммунисты обсуждали его заявление с просьбой принять в члены партии. Тогда ответ пришлось держать не только за себя, но и как секретарю участковой комсомольской организации за всю молодежь плавильного. К тому же он — член обкома комсомола... Вот когда пришлось как бы переосмыслить то, как надо работать, и не просто работать, а работать с людьми. Гореть не только самому, но и зажигать других.

Так было всегда: позиция коммуниста — на переднем крае. А сегодня она проходит там, где сосредоточены усилия трудящихся, где идет борьба за повышение производительности труда, за научно-технический прогресс, за повышение эффективности производства. Эти требования, выдвинутые еще XXV съездом КПСС, коммунист Щербаков воспринимает как требование, общественное и лично к нему. Надо учиться, решает он и поступает в 1976 году в ВЗПИ на металлургический факультет. Причем поступил не только сам, но и увлек за собой своего друга — плавильщика В. Н. Лукиенко.

День ото дня, год от года приходили умение, знания,

опыт, авторитет. А с ними и передвижения: мастер, старший мастер плавильного участка. В это время наиболее ярко стали проявляться в Щербакове зрелость руководителя, настоящего специалиста с широким кругозором, богатой теоретической и практической подготовкой. Видя, что что-то можно улучшить, усовершенствовать, он не успокаивается до тех пор, пока не добьется своего.

Как-то (это было во время капитального ремонта химико-металлургического комплекса) заинтересовало его: нельзя ли ставить на ремонт не одновременно все три печи, которые связаны единой технологической ниткой, а по отдельности: одна в ремонте — две работают. Подумал... Должно получиться. И к начальнику цеха Стенанищеву: «Алексей Семенович, идея есть». Прикинули вместе. В результате за счет изменения схемы подключения плавильных печей с системой химцеха сокращение простой печи каждой технологической нитки составило два месяца. А это дополнительные десятки и сотни тонн черновой меди и серы, тысячи рублей экономии. А всего только за 1980 год в цехе внедрено 13 рационализаторских предложений В. В. Щербакова.

Как-то на рабочем столе появилась у него в зеленом переплете книжечка: «Производство серной кислоты». К чему бы это? А он, заметив недоумение, с улыбкой пояснил: «Почитать надо. В работе сгодится». И ведь сгодится, как сгодились знания особенностей принципа работы химического цеха, как сгодилось уже не раз умение по-своему подходить к решению различных вопросов в сочетании со смелостью инженерной мысли.

Случилось это сравнительно недавно, только начинал осваиваться в новой должности заместителя начальника цеха. С неделю в химическом мучились, не могли закрыть на одной из пенок клапан, чтобы перебросить газ в другую. Впору хоть останавливай шесть печей минимум как на шесть часов. Иного выхода никто не видел, его, казалось, и не было. А Щербаков нашел.

— Алексей Семенович, — подошел к начальнику цеха, — надо двух слесарей и бензорезчика. Попытаемся закрыть.

И то, что другие не могли сделать в течение недели, они сделали за четыре часа. Без остановки печей.

О третьей своей награде (вполне заслуженной — так говорят в цехе) — ордене